которая применена в оде,[12] восходит к типу, введенному Ломоносовым, в произведениях которого и обнаруживается ряд одических формул, послуживших Чулкову образцом. Зачин представляет довольно неудачное развитие начальных строк оды «На взятие Хотина» (1739): «Восторг внезапный ум пленил, Ведет на верьх горы высокой», варьировавшихся и у самого Ломоносова, например, в одах 1742-го («Красуйся, дух мой восхищенный...») или 1746 годов. Заключение очень напоминает ломоносовские строки, итожившие восхваление Елизаветы Петровны в оде 1748 г.: «Похвал пучина отворилась, Смущенна мысль остановилась И слов к тому недостает!». Пример наиболее полно развитой прозопопеи — волны, несущиеся, чтобы узреть Павла, — также имеет аналог у Ломоносова. В оде 1742 г. на приезд из Голштинии Петра Федоровича «веселый шум народа» сравнивается с «гласом многих вод».[13] Образ был повторен поэтом в оде 1762 г. на восшествие Екатерины II, где изображается всеобщая радость в Петербурге: «Несчетно множество народу Гремящу представляет воду, Что глас возносит к небесам». Чулков развивает тот же образ, но центральным членом описания делает морскую стихию; волны выступают в роли подданных русского генерал-адмирала.

Картина восходящего солнца, начинающегося дня, обычная и для од Ломоносова, стала к 1760-м годам поэтическим шаблоном и встречается в большом количестве произведений. Например, в оде, поднесенной Екатерине от семинарии Троице-Сергиевой лавры (1767), она приобретает такой вид: «Уже пребыстрой Фебов конь С багряностию вдруг своею, Из челюстей своих огонь Метая и гордясь зарею, Течет к нам ныне от востока». В отличие от похвальной оды в стихах на новый год аллегорическое появление Феба подчеркивает движение времени. Эта функция усилена в оде Сумарокова от 1 января 1763 г.: «Из моря, ото дна глубока Выходит из далеких вод, Сияя, солнце от востока И начинает новый год». Сумароков затем переходит к уподоблению природного явления переменам в России, которые принес год прошедший, говоря о том, что Екатерина «сняла с России бедства тень». Заявлением о наступлении «нового века» кончает вторую строфу и Чулков.

Остановимся еще на нескольких сопоставлениях сочинения Чулкова с одической поэзией 1760-х годов. Основные ее мотивы,

---

[12] Пользуемся схемой, предложенной К. Ф. Тарановским в статье «Из истории русского стиха XVIII века. (Одическая строфа Ав Ав ИСС ЕЕ в поэзии Ломоносова)». — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966, с. 106.

[13] Данное сравнение анализируется И. З. Серманом в контексте выражений идеи «радости». См. его статью «Ломоносов в работе над текстом „Собрания разных сочинений в стихах и прозе“ 1751 года». — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, с. 130.